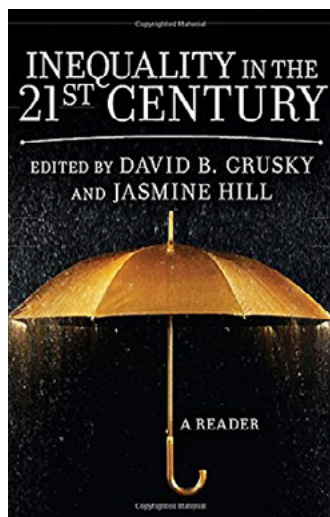

Социальные неравенства: старые формы — новые воплощения?

DOI: 10.19181/inter.2019.19.6

Павел Сушко*

Рецензия на книгу: Inequality in the 21st Century. Edited by David B. Grusky and Jasmine Hill. London, New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2018. 488 p. ISBN 9780813350646 (pbk).

Ключевые слова: социальное неравенство; социальный класс; социальная структура; модернизация; бедность; элита; социальный статус

Книга «Неравенство в XXI веке» под редакцией известного американского социолога Дэвида Груски и его коллеги Жасмин Хилл представляет собой значительный по охвату рассматриваемых социальных проблем аналитический труд. В фокусе внимания авторов находятся вопросы происхождения

* Сушко Павел — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, sushkope@mail.ru.

и усиления различных видов неравенства, приобретающих в современных обществах все более острый и драматичный характер. В частности, авторы апеллируют к тому, что растущий интерес общественности к проблемам бедности и социального расслоения требует достойного и ясного ответа не только от действующей элиты, но и от научных сообществ. По этим соображениям, а также в свете усиливающихся гражданских протестов и забастовок в ряде стран, авторы книги стремятся переосмыслить традиционные подходы к изучению социальных неравенств и объяснить природу новых социально-структурных изменений.

Во вводной статье Дэвид Груски и Жасмин Хилл предлагают с новых позиций оценить устоявшиеся исследовательские подходы к анализу социальных неравенств, и в первую очередь — теорию модернизации, согласно которой основные виды неравенств (расовое, гендерное, классовое и др.) должны были исчезнуть в ходе эволюционного развития общества. Однако неравенства не только не исчезли, но и усилились, а их формы стали острее (с. 1). На примере американского общества авторы размышляют над тем, как случилось, что модернизация в ее эволюционном и прогрессивном понимании не привела к стиранию классовых и других общественных различий, несмотря на ряд фиксировавшихся позитивных тенденций. Идеология равных для всех шансов на успех делала существовавшее доходное и имущественное неравенство справедливым в глазах массовых слоев населения. «Гонка на опережение» не вызывала возражений и воспринималась как естественный способ повышения своего социального статуса (с. 2). Проблема неравенства расценивалась лишь как побочный эффект капитализма, который станет еще более управляемым с переходом к более развитым формам индустриального развития (с. 6).

В то же время модернизационное и технологическое развитие за счет улучшения и расширения производства различных видов товаров и услуг должно было содействовать повышению жизненных шансов и возможностей для всех социальных групп. Однако, по мнению Д. Груски и Ж. Хилл, не был учтен обратный эффект модернизации, сущность которого заключается в несоответствии появляющихся технологических мощностей профессиональным способностям работников (с. 3). Если раньше на производстве трудящемуся достаточно было владеть элементарными навыками работы, то теперь возникла необходимость разбираться в новых технологиях и инновациях. У работодателя, в свою очередь, появился запрос на персонал с более высоким уровнем человеческого капитала, на высококвалифицированный труд, для овладения которым необходимо иметь уже и значительный экономический ресурс (с. 3). Не все могли идти в ногу с технологическими изменениями и с одинаковым успехом осваивать нововведения, в силу чего стоимость высококвалифицированного труда росла, как и образования, в особенности специализированного, обеспечивавшего работнику наибольшую монетарную отдачу. Так постепенно стало усиливаться неравенство в системе образования.

Подчеркивая эту проблему, Д. Груски и Ж. Хилл говорят о необходимости альтернативы теории модернизации, заключающейся в объяснении роста

социального расслоения через дисбаланс на рынке труда. Так, по мере увеличения количества квалифицированных работников растёт и конкуренция между ними, наряду с постепенным снижением спроса на квалифицированный труд и, соответственно, заработной платы. Преимущества имеют те работники, которые превращают свой образовательный и квалификационный ресурс как минимум в актив, а как максимум в капитал (с. 4). При этом для того, чтобы получать отдачу на свой актив, необходимо не просто постоянно поддерживать его на конкурентном уровне, но и приумножать, если целью стоит получение ренты. И эта отдача будет существовать в тех случаях, когда спрос на конкретные виды актива превышает предложение, с одной стороны, и когда предложение этого актива фиксируется естественными средствами (например, дефицит талантов) либо социальными или политическими барьерами, искусственно ограничивающими предложение, с другой (с. 5).

Таким образом, авторы монографии делают вывод о существовании асимметричных барьеров, ограничивающих бедные слои населения как «снизу» (люди довольствуются тем, что могут получить и на что хватает ресурсов) — «рента-разрушение», так и «сверху» (обеспеченные слои удерживают то, что у них уже есть, наряду с постоянным приращением капитала) — «рента-созидание». В результате богатые концентрируют в своих руках ещё больше капиталов и богатеют, а бедные вынуждены действовать в условиях ограниченной платежеспособности. Складывается вдвойне неблагоприятное положение, когда одновременно нет ни денег, ни иных ресурсов, в частности, образовательных, что делает невозможным достижение успеха. По сути, рента становится не следствием усиления неравенства или рудиментом, а его движущей силой, определяющей суть современной экономической системы (с. 6). Именно поэтому современные экономики не могут обеспечить равенство возможностей, несмотря на их официальное декларирование, и лишь усиливают неравенство, превращая борьбу с ним в порочный круг.

В первом разделе «Классические теории неравенства» Д. Груски и Ж. Хилл предлагают обратиться к основополагающим текстам известных теоретиков социального неравенства. Карл Маркс, Макс Вебер, Уильям Эдуард Бёркхардт Дюбуа, Шарлотта Перкинс Гилман с разных позиций, но с одинаковой остротой описывают четыре структурирующие силы, четыре фундамента социальных различий, объясняющих способность классовых, гендерных, расовых и иных видов неравенств сохраняться и процветать даже в наши дни. Эти базовые основания сводятся к (1) принципиально разным ролям тех или иных социальных групп в экономике, (2) к тому, что одни группы эксплуатируют другие и извлекают из этого ресурсы, (3) к особенностям жизненного уклада, образа жизни и практикам потребления, (4) к различным историческим, мировоззренческим и культурным практикам (с. 11). Эти основания, описанные более века назад, предвосхищают многие проблемы современности и заставляют задуматься об истинной природе неравенств и об их эволюционном значении.

Анализ истоков неравенства авторы монографии начинают с обращения к избранным трудам К. Маркса («Коммунистический манифест» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»), в которых описываются этапы развития буржуазии и пролетариата, особенности формирования классового сознания, а также механизмы производственных и промышленных революций. Всякое общество, писал К. Маркс, всегда распадается на два больших враждебных лагеря, на два великих класса, на угнетенных и угнетателей, на пролетариат и буржуазию, в корне отличающихся друг от друга по отношению к средствам производства (с. 12). Буржуазия — собственник, поэтому не может существовать без постоянного совершенствования инструментов производства, приносящих доход. Результат этого — непрерывные перевороты в производстве, сопровождающиеся не только расширением ассортимента производимой продукции и выходом на новые рынки сбыта, но и стиранием национальной изоляции, формированием всемирного пространства с особыми производственными, обменными и имущественными отношениями (с. 13).

К. Маркс отмечал, что буржуазные отношения стали слишком узкими, чтобы вмещать все созданное ими богатство. Нужны были новые способы преодоления растущего кризиса, реализовать которые можно было либо насильственным уничтожением массы производительных сил, либо путем завоевания новых рынков и более основательной эксплуатации старых, вызывая тем самым масштабные кризисы и разрушительные социальные потрясения. В результате буржуазия не только выковала оружие, но и породила людей, способных направить это оружие против нее (с. 14).

В свою очередь, пролетариат постепенно начинает осознавать свое угнетенное положение и формирует против буржуазии различные объединения и ассоциации, борющиеся за увеличение уровня заработной платы, за улучшение условий труда и т.д. Так борьба выходит на политическую арену, а пролетариат становится «классом для себя», вырабатывая общую идеологию, направленную против господства буржуазии и капитала (с. 16). Со временем рабочий класс заменит старое гражданское общество объединением, которое исключит классы и непримиримую борьбу, искоренит политическую власть как бесполезный рудимент (с. 17). Так или иначе, делал вывод К. Маркс, идентификация доходов и источников доходов становится важнейшим критерием для выделения социальных классов (с. 18).

В то же время авторы монографии обращаются и к идеям Макса Вебера, который полагал, что о социальных классах мы можем говорить тогда, когда 1) у группы людей есть общая специфическая составляющая, определяющая их жизненные шансы, когда (2) эта составляющая сформирована исключительно экономическими интересами во владении товарами и возможностями для получения дохода и (3) представлена в условиях товарных или трудовых рынков. Указанные положения, по своей сути, относятся к «классовой ситуации», которую мы можем определить через возможность реализовывать свои жизненные шансы в рыночных условиях. Определяются же эти шансы объемом и видом власти (или отсутствием таковой),

позволяющей распоряжаться товарами или навыками ради дохода в условиях существующего экономического порядка (с. 21).

В этой связи вопрос о власти и обладании ею Вебер рассматривал в контексте статусных групп, формирование которых он связывал с особенностями распределения власти внутри сообщества, с особым «социальным порядком», определяющим возможности человека или ряда людей реализовать свою волю в коллективном действии даже вопреки сопротивлению других (с. 20). При этом М. Вебер говорил о разных видах власти — экономической, политической, профессиональной и др., связанных между собой, но не тождественных друг другу. Любая власть может быть ценна сама по себе. При этом часто стремление к ней обусловлено приобретаемым социальным статусом, особой привилегированностью, которую он влечет за собой. Так, власть, согласно Веберу, является одним из определяющих факторов социального неравенства, причем не только экономического. Это означает, что имеющиеся у индивида значимые для конкретного общества и в конкретный момент времени ресурсы способны конвертироваться в определенный объем властных полномочий (например, экономических или административных), которые и определяют его социальный статус (с. 26).

Другая сторона социальных неравенств раскрывается в трудах Уильяма Эдуарда Бёркхардта Дюбуа, сфокусировавшего свое внимание на этническом аспекте дискриминационных процессов. Д. Груски в анализе современных неравенств не случайно останавливается на Дюбуа, показавшем роль негритянских народов в создании мировой культуры и вскрывшем тяжелые последствия расовой дискриминации и империалистического гнета. Для Дюбуа ключевым фактором социальной дифференциации была вовсе не классовая борьба буржуазии и пролетариата, но борьба «испытавших все страдания мира черных людей за освобождение от белых угнетателей». При этом он подчеркивает необходимость преодоления «классовых различий» как условие обеспечения полного равноправия «цветных» народов (с. 28–30).

Еще один аспект формирования социальных неравенств Д. Груски связывает с гендерными отношениями. Отправной точкой развития этих идей послужили труды американской феминистки Шарлотты Перкинс Гилман. Она обратила внимание на строго принудительное профессиональное разделение труда, в котором мужчины работают в формальной экономике, а женщины работают дома. При этом Гилман считала, что вклад женщин в развитие цивилизаций на протяжении всей истории сдерживался доминированием патриархальной культуры: мужская агрессивность и материнская роль женщин, полагала она, — искусственные социальные конструкты, в которых больше нет необходимости. В связи с этим Гилман подчеркивала, что экономическая независимость является единственным условием, которое действительно может принести свободу женщинам и сделать их равными с мужчинами. Достижение этой независимости возможно, по ее мнению, лишь через реструктуризацию домашних отношений, которая позволила бы

женщинам быть не только частью семьи, но и самостоятельными людьми, действующими в соответствии с потребностями общества (с. 30–33).

Таким образом, авторы данного раздела фокусируются на том, что класс, раса и пол — мощные дифференцирующие социальные конструкции, которые не являются ни естественными, ни неизбежными, и роль которых в формировании социальных неравенств в будущем пока окончательно не определена. И в этом смысле возвращение к основополагающим трудам Маркса, Вебера, Дюбуа и Гилман говорит об устойчивости к изменениям этих форм неравенства. Классовое, расовое и гендерное неравенства оказались очень адаптивными и продолжают процветать и в наши дни, утверждают авторы.

Во втором разделе «Великий взлет в неравенстве доходов и богатства» внимание сосредоточено на быстром росте экономического неравенства в США и многих других странах. Экономист Эммануэль Саез связывает рост такого неравенства с происходящими технологическими изменениями и появлением после Второй мировой войны новых социальных институтов, таких как прогрессивная налоговая политика, мощные профсоюзы, корпоративное предоставление медицинских и пенсионных пособий и т.д. Саез задается вопросом, является ли увеличение доходного неравенства приемлемым и эффективным с точки зрения развития государства и общества, а если нет, то какое сочетание институциональных и налоговых реформ должно быть разработано для борьбы с ним (с. 38–41).

О распределении богатства и об эволюции доходного неравенства продолжает рассуждать Томас Пикетти. Согласно его позиции, увеличение социального неравенства связывается с уровнем экономического роста: чем он выше, тем меньше концентрация капиталов в частных руках. Это приводит к снижению социального неравенства. Современный же мир возвращается к ситуации, когда экономическая дифференциация неуклонно растет, что может привести к тяжелым социальным и политическим последствиям. Тем не менее, в отличие от Карла Маркса, Пикетти не предрекает крах капиталистической системы, однако говорит о рисках формирования так называемого родового капитализма, в котором большая часть общественных богатств будет принадлежать лишь небольшому кругу (с. 42–47).

Описанные тенденции предлагается интерпретировать с двух альтернативных позиций: а) понимание растущего неравенства с точки зрения действия конкурентных рыночных сил и б) понимание его как результат создания и разрушения ренты. Те, кто придерживается первой позиции, объясняют усиление неравенств последствием технологических шоков, которые наряду с повышением производительности труда спровоцировали рост спроса на высококвалифицированных работников. По мере роста производительности работников в новой компьютеризированной экономике и по мере роста спроса на этих работников будет расти и их заработная плата. Если эта гипотеза верна, пишут Клаудия Голдин и Лоуренс Кац, то мы должны ожидать дальнейшего роста неравенства до тех пор, пока образованные работники будут продолжать повышать свою производительность, а спрос

на них будет опережать предложение (с. 48–54). Рост неравенства в этом смысле выражает не что иное, как неумолимую логику конкурентного рынка.

Согласно второй позиции, расширение неравенства является следствием неравной концентрации капиталов и активов, которые, в свою очередь, приносят работнику доход выше, чем он был бы на полностью конкурентном рынке. По этой причине, считают Лучан Бибчук и Джесси Фрид, представители группы высшего менеджмента (исполнительные директора, топ-менеджеры и т.д.) имеют более высокий доход, так как обладают, в трактовке М. Вебера, большими властными полномочиями на извлечение приемлемой для себя выгоды (с. 471–474). Такие возможности представителей высшего корпоративного менеджмента в извлечении ренты из своего социального статуса — лишь один из примеров того, как современные экономики расширяют возможности обогащения для тех, кто наверху социальной системы, и, напротив, сужают шансы для простых работников. С этой точки зрения рост неравенства сигнализирует не просто о неудачной конкуренции, а о формировании неконкурентоспособной экономики.

В третьем разделе «Один процент» Чарльз Райт Миллс, Элвин Гулднер, Дэвид Брукс и Шеймус Хан размышляют над тем, каким образом власть, привилегии и деньги в своей совокупности формируют элитные группы на вершине социальной иерархии. Как происходит закрепление власти у отдельных лиц, и образуют ли эти лица единый и солидарный высший класс, способный кардинально влиять на повседневные миры обычных мужчин и женщин? Ч. Миллс пишет, что власть принимающих решения, с одной стороны, ограничена уровнем технического развития, средствами власти и различными организациями. С другой стороны, по мере исторического развития средства угнетения и эксплуатации, насилия и разрушения, так же, как и средства производства и реконструкции, приумножаются и становятся более централизованными. В силу этого те, кто имеет доступ к этому центру, владеют беспрецедентными инструментами правления (с. 79–87). В свою очередь, Ш. Хан интересуется, могут ли экономические, политические и военные элиты образовывать единый и солидарный класс в силу совместного проживания в одних и тех же районах, посещения одних и тех же школ, принадлежности к одним и тем же клубам и т.д. (с. 99–100).

Представители элитных слоев не допускают в свой круг простых наемных работников, какими бы высокими ни были их доходы. В этом свете Гулднер пишет, что возможным претендентом на власть может стать «новый класс», позиции которого основаны на научных и экспертных знаниях (с. 88). Брукс считает, что эти знания начинают восприниматься как источник ценности и предпосылка для ответственного и успешного руководства (с. 94–99). Для Гулднера и других теоретиков «нового класса» основная борьба современного периода происходит не между капиталистами и рабочими, а в продолжающейся «гражданской войне» между капиталистами, обладающими властью покупать влияние, и интеллектуалами или технократами, которые утверждают, что обладают знаниями для эффективного управления (с. 88–93).

В четвертом разделе «Бедность и низший класс» внимание фокусируется на нижней части социальной структуры. В этой главе поднимаются вопросы, связанные с формированием бедности, с последствиями ее распространения и с возможными формами контроля над ней. Д. Груски предлагает рассмотреть два основных мифа, сложившихся вокруг указанной проблематики. Первый из них гласит, что бедность неизменна и вечна, что она существовала во всех культурах и в разных социально-экономических условиях, и ничто не может повлиять на нее или уменьшить. На примере американского общества Д. Груски пытается развенчать этот миф, апеллируя к существующим программам социальной защиты, которые, хоть кардинальным образом и не уменьшили численность малоимущих, однако усилили тенденцию снижения численности бедных (с. 105).

Второй миф связан с возможностями научного познания в разрешении проблематики бедности. Д. Груски отмечает, что последствия и причины бедности оказались перепутаны. Первые довольно многообразны и сложны, а вторые относительно просты и хорошо изучены. Так, к причинам можно отнести (а) роль экономических факторов; (б) ослабление профсоюзов и связанный с этим рост неустойчивых рабочих мест; (в) снижение реальной стоимости минимальной заработной платы; (г) непроработанные социальные программы; д) высокий уровень лишений среди детей, воспитывающихся в условиях бедности; е) роль концентрированной бедности вследствие сокращения доступа к различного рода социальным ресурсам; ж) долгосрочные последствия стресса в раннем детстве; з) ограниченный доступ к высококачественному уходу за детьми и раннему школьному обучению; и) высокие расходы на жилье и т.д. В этом смысле, подводит итог Д. Груски, «война с бедностью» не должна вестись бездумно, а все меры воздействия должны четко согласовываться с другими изменениями (с. 106).

В пятом разделе «Мобильность и американская мечта» описываются результаты комплексного анализа социальной мобильности в американском обществе. Д. Груски пишет, что в целом типичные американцы готовы терпеть даже существенное социальное неравенство во власти, богатстве или престиже, но при условии, что возможности для получения этих вознаграждений распределены поровну между всеми членами общества. Иными словами, американцы проводят четкую грань между распределением социальных вознаграждений и распределением возможностей для обеспечения этих вознаграждений. Именно последнее определяет легитимность неравенства.

Отталкиваясь от этих соображений, авторы данного раздела раскрывают несколько тематических линий, связанных с изучением влияния уровня благосостояния семьи на результативность обучения детей в школе (Шон Рирдон, с. 176–188); с исследованием образовательной системы как промежуточного звена между социальным происхождением и итоговым местом назначения (Флоренсия Торш, с. 214–221); с анализом социально-психологических переменных (стремлений и ожиданий) в контексте социального продвижения ребенка (Стивен Морган, с. 201–206; Джей

Маклауд, с. 225–235); с изучением влияния социальных связей и контактов на доходы и результаты профессиональной деятельности (Марк Грановеттер, с. 248–250; Роберто Фернандес и Изабель Фернандес-Матео, с. 252–258); с исследованием степени влияния неформальных встреч и мероприятий на вероятность мобильности (Лора Гамильтон и Элизабет Армстронг, с. 222–224).

В шестом разделе внимание переключается на расовое и этническое неравенство, которое имеет особую актуальность в контексте изучения американского общества. Отправной точкой в изучении расы и этнической принадлежности является понимание того, как с течением времени строятся и реконструируются классификационные схемы и модели (например, «черный», «белый», «азиатский»). Так, Майкл Оми и Говард Уайнант описывают институциональные процессы формирования таких схем (с. 275–281), а Алия Саперштейн и Андрей Пеннер раскрывают особенности закрепления подобных схем в повседневной жизни. Они отмечают, что расовые различия, как и различия в других аспектах социальной структуры, постоянно воспроизводятся в повседневных взаимодействиях. По сути, раса подразумевает и в некотором смысле определяет набор ожиданий, согласно которым люди оценивают других в ходе интеракций (с. 282–287). Марианна Бертран и Сендил Маллейнатан в ходе проведенного ими экспериментального исследования показывают, как происходит закрепление расового и этнического неравенства. Они утверждают, что зачастую даже более высокий квалификационный уровень работника будет менее значимым фактором при устройстве на работу, нежели расовая принадлежность (с. 303–307).

В заключительной части раздела рассматриваются факторы, способствующие возможным изменениям расового и этнического неравенства. Так, Уильям Уилсон пишет, что межрасовое взаимодействие в американском обществе исторически характеризовалось различными стадиями, которые задавались экономическим и политическим устройством. Существовавшие политические режимы и системы производства накладывали различные ограничения на способ взаимодействия расовых групп. Они создавали особые контексты не только для проявления расовых антагонизмов, но и для доступа расовых групп к вознаграждениям и привилегиям. Если раньше, отмечает Уилсон, доминировало экономическое угнетение чернокожих, то в современном обществе основа расовой дискриминации сместилась от экономического сектора к социально-политическому порядку, что уже по-иному сказывается на жизненных шансах отдельных чернокожих американцев (с. 318–328).

В седьмом разделе «Гендер, сексуальность и неравенство» внимание фокусируется на дискриминационных механизмах в отношении женщин, матерей и сексуальных меньшинств. Как отмечает Джудит Лорбер, гендер — это процесс создания различных социальных статусов для распределения прав и обязанностей. Гендерное неравенство имеет социальные функции и социальную историю, а сохраняющаяся цель гендера как современного социального института состоит в том, чтобы сделать женщин группой, подчиняющейся мужчинам, делает вывод Лорбер (с. 346–351).

Другой аспект гендерного неравенства раскрывается Кристиной Перчески, анализирующей влияние уровня образования и материнства на занятость женщин. Как следует из ее выводов, рождение детей влечет за собой более низкий уровень занятости. И хотя женщины-профессионалы работают в современных условиях больше, чем прежде, значительная их часть трудится неполный рабочий день. Поэтому рассмотрение ухода женщин-профессионалов с рынка труда ради материнства не отражает тенденцию, характеризующую структуру занятости группы женщин-специалистов в целом (с. 362–378).

В свою очередь, Шелли Коррелл и Стивен Бенард отмечают, что работающие матери часто испытывают дискриминацию при оценке их профессиональных возможностей и в оплате труда по сравнению с не имеющими детей женщинами. Авторы отмечают, что культурные представления о расхождениях между ролями матери и «идеального работника» могут играть определенную роль в воспроизведении этой модели неравенства. Вторым аргументом заключается в том, что работодатели рассматривают матерей как менее приверженных своей работе и в силу этого менее «продвигают» их по карьерной лестнице (с. 390–398).

Так или иначе, авторы главы поднимают важный вопрос, связанный с переходом от восприятия гендерного неравенства с точки зрения бинарной модели, сконструированной для закрепления гендерной дискриминации, к доминированию принципов эгалитаризма, на фоне которых прежние формы неравенства из строгих классификаций принимают более текущие и разнородные формы.

В восьмом разделе «Как распространяется неравенство» внимание сосредоточено на понимании процессов генерации, воспроизводства и последствий различных типов неравенства. Авторы главы говорят о двух уровнях последствий — локальном и системном. Первый связан с вызываемыми социальным неравенством различиями в образе жизни, политических взглядах, здоровье, поведенческих стратегиях и т.д. Второй — с тем, каким образом социальные неравенства влияют на устойчивость социальной системы в целом (наличие демократических свобод, риски революции и т.д.).

Однако основное внимание уделено тому, как общий уровень неравенства в конкретной стране сказывается на разных аспектах жизни членов общества — электоральном поведении (Майкл Хаут и Дэниел Лорисон, с. 435–442), практиках воспитания и социализации детей (Аннет Ларо, с. 443–450), здоровье (Карен Латфи и Джереми Фриз, с. 451–455). В частности, авторы главы сходятся во мнении, что эффекты глобального неравенства особенно ощутимы на микроуровне. Так, в обществах с рыночной экономикой доступ к ценным товарам, социальным связям (например, членство в элитных клубах) и даже здоровому образу жизни напрямую зависит от способности индивида платить за этот доступ. Наряду с этим декларируется всеобщая доступность общественных благ, которые на практике распределяются на основе расового, классового и других аспектов неравенства. И чем выше

уровень неравенства в конкретном обществе, тем механизмы распределения жестче.

В заключительной части авторы ставят вопрос о том, существует ли в современном мире движение к равенству, рассуждая при этом преимущественно об американском обществе. В частности, широко обсуждаются так называемые компенсаторные программы, нацеленные якобы на борьбу с неравенством. Они представляют собой адресную помощь и поддержку наиболее уязвленных слоев и групп. По мнению авторов, такие программы широко распространены в американском обществе и находят большой позитивный отклик среди населения. Однако такая «индустрия интервенций», по сути, не является борьбой с неравенством и не направлена на глубинную трансформацию существующей системы, а лишь отчасти компенсирует неблагоприятное положение отдельных представителей социума. Как указывают авторы, американцы почти инстинктивно обращаются к таким программам: например, программе посещения на дому социально неблагополучных матерей, которые не имеют доступа к качественной медицинской помощи, программе опережающего развития, поддерживающей детей, не имеющих доступа к адекватным дошкольным учреждениям. Все эти и другие интервенции оставляют существующую систему рынка труда, образования и здравоохранения без изменений (с. 471–482).

Возникает логичный вопрос: почему так происходит? Во-первых, считают авторы, в силу сложности проведения крупной институциональной реформы, поскольку большинство политиков и управленцев, скорее, выберут, говоря словами американского писателя Джонатана Козола, «битвы, которые достаточно велики, чтобы иметь значение, но достаточно малы, чтобы победить». Во-вторых, привычка действовать в рамках существующей системы настолько хорошо развита, что общество в принципе забывает о своей способности самостоятельно реформировать институты, а не находить временные решения, лишь отчасти компенсирующие неблагоприятное положение разных социальных слоев и групп.

Книга «Социальные неравенства в XXI веке» наводит читателя на мысль о постепенном переходе от бинарной модели неравенства, представления о которой были в большей степени характерны для более ранних обществ, к множественной модели социальной дифференциации, основания которой нельзя сводить к единому показателю. Эта мысль составляет стержень книги, ее смысловое ядро, вокруг которого и разворачивается сюжетная линия работы. Исследовательские зерна, посеянные классиками теории неравенства более века назад, теперь в той или иной степени получили развитие во взглядах современных ученых. Книга богата эмпирическим материалом и описанием различных кейсов, свидетельствующих о том, что в условиях модернизирующихся и глобализирующихся обществ неравенство не ушло и даже не снизилось, но приобрело совершенно новые формы, в свете которых идеи классиков обретают особый смысл.

Дата поступления: 5.08.2019

Social inequality: old form — new incarnation?

DOI: 10.19181/inter.2019.19.6

Pavel Sushko

Sushko Pavel — *Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, sushkope@mail.ru.*

Book Review: *Inequality in the 21st Century*. Edited by David B. Grusky and Jasmine Hill. London, New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2018. 488 p. ISBN 9780813350646 (pbk).

Keywords: social inequality; social class; social structure; modernization; poverty; elite; social status.

Received at: 5.08.2019